

На правах рукописи

Серкин Павел Евгеньевич

**ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ОБЪЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ
ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Казань – 2003

Работа выполнена на кафедре философии и политологии
Марийского государственного университета.

Научный доктор философских наук
руководитель: Н. А. МАСЛОВ

Официальные
оппоненты:

доктор философских наук,
профессор Р. М. НУГАЕВ

кандидат философских наук,
доцент Л. А. КРЯЖЕВА

Ведущая
организация: Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева,
кафедра философии

Защита диссертации состоится « » _____ 2003 г. в ____ час.
на заседании диссертационного совета Д 212.081.16 в Казанском госу-
дарственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина по адресу: 420008
г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 2, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина.

Автореферат разослан « » _____ 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук,
доцент

Г. К. ГИЗАТОВА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Большинство исследователей признает фактор технологических инноваций важнейшим в процессе эволюции современной западной цивилизации. Как следствие, наиболее точно ее суть отражает определение «техногенная» (В. С. Степин, 1989). В эволюции техногенной цивилизации выделяется несколько этапов, среди которых современность или модерн составляет специфический дискурс в исследованиях социально-культурных явлений в различных отраслях общества. Модерн – это комплексное определение, предполагающее интенсификацию общественных производительных сил, приверженность рационализму и научному знанию, стремление общественного сознания к комфорту и к благосостоянию как высшим ценностям господствующей культуры.

Одно из важнейших понятий, описывающих социальную динамику индустриального и постиндустриального общества, – «социальная модернизация». Нередко она изображается как естественный, имманентный капитализму метод освоения «жизненного пространства», укрепления его институциональной структуры и социального строя в процессе взаимодействия различных субъектов техногенной цивилизации, превращающейся в целостный феномен всемирной истории.

Однако, это представление порождает комплекс противоречий, неразрешимых в рамках отраслевого дискурса общественнознания, требующих социально-философского уровня обобщения и рефлексии. Среди них, прежде всего, противоречие традиционного и современного обществ, презумпция разделения наций на «передовые» и «отсталые», постулирование индустриального «генотипа» в качестве эталона модернизации в условиях, когда техногенная цивилизация эволюционирует к информационной фазе, и кризис индустриализма как направляющей познание философской идеи стал очевиден.

Все это придает изучению модернизационного процесса и его отражению в социальных доктринах важное теоретическое, методологическое и практическое значение. Актуальность настоящего исследования также подтверждает практическая потребность современной России в философском осмыслении развернувшейся на рубеже XX и XXI вв. модернизации ее общественного строя, материально-экономической и политической жизни, организации науки и образования, всей материальной и духовной культуры с учетом объективной логики всемирной истории, развития техногенной цивилизации как родового объекта.

Таким образом, актуальность и научный интерес к этой проблеме обусловлен не только внутренними потребностями развития философ-

ской и социальной мысли, но и требованиями общественно-исторической практики. И поскольку она отмечена глобальными конфликтами, межцивилизационными противоречиями и системным кризисом, без философского осмысления теории модернизации и ее последствий невозможны ни правильное понимание тенденций общественного развития, ни разработка конкретных методов и форм управления социальным процессом.

Степень изученности проблемы. Теория социальной модернизации является одним из распространенных концептов, доминирующей идеей парадигмы обществознания как на Западе, так и в России. С учетом общего состояния западных социально-гуманитарных наук теория социальной модернизации традиционно подчиняется логике развития социологических знаний. В результате в западных исследованиях социальной модернизации сформировалось несколько направлений:

1) *медиально-социологическое*, акцентирующие социологические (С. Эйзенштадт, 1978), экономические (Р. Нурске, 1953; У. Росту, 1960; Хла Минт, 1964), политологические (Г. Алмонд, 1970; Л. Пай, 1972) и социально-психологические (Д. Лернер, 1958; Д. Макклелланд, 1961) аспекты модернизации;

2) *макросоциологическое*, имеющее своей целью разработку общих теорий социального изменения, функционирования социальных систем и преодоление господства эмпирической социологии (Д. Аптер, 1965; К. Блэк, 1966; М. Леви, 1966; Т. Парсонс, 1971; Н. Смелзер, 1959);

3) *сравнительно-историческое или компаративное*, придающее модернизационной теории статус философии истории, объективной модели исторической эволюции в целом (Р. Бендикс, 1964; А. Грегор, 1974; Б. Мур, 1966; С. Хантингтон, 1969).

В отечественной литературе процессы модернизации развивающихся стран и их отражение в западном обществознании освещались с 1970-х гг. преимущественно в сфере экономики и культуры (Б. С. Ерасов, 1982; С. А. Кузьмин, 1972; Н. А. Лидлейн, 1978; В. Т. Хорос, 1978; Н. П. Шмелев, 1970), а собственно парадигма модернизации становилась предметом исследования лишь в исключительных случаях. Так, в 1981 г. была опубликована монография Б. С. Старостина, посвященная социально-философскому анализу социологических теорий модернизации.

Социальные изменения в конце XX в. придали новый импульс развитию теорий модернизации. Резкое неприятие этой теории в отечественном обществознании сменилось провозглашением ее в качестве стратегии российских реформ (А. В. Рябов, 1992). Термин «модернизация» стал широко употребляться во многих отраслевых и прикладных исследованиях – политологических (А. П. Володин, 2000; В. К. Левашов, 2000; Э. М. Скакунов, 1999; А. Ю. Сунгуров, 1999), социологических (М. С. Ельча-

нинов, 2000; Т. И. Заславская, 2001; Н. И. Лапин, 1996; В. О. Руковишников, 1995), социально-психологических (Н. Ф. Наумова, 1999), исторических (В. Н. Зосимчук, 1998; В. И. Коротаев, 2000), экономических (И. В. Морозов, 1999; Т. В. Наумова, 1998), юридических (И. В. Архипов, 2000; А. В. Белинков, 1999) и др. Междисциплинарный характер исследований, к сожалению, не позволяет установить сущность и социально-философское значение модернизации как категории и методологии познания социальных явлений.

Попытки типологизации модернизационных процессов либо воспроизводят традиционное деление на «первичные» – самобытные, «вторичные» и «третичные» – наведенные, «догоняющие» модернизации (В. А. Красильщиков, 1998), либо используют экономические критерии (Г. Н. Соколова, 2001), цивилизационные (В. Г. Федотова, 1995, В. Г. Хорос, 1991), связанные с вестернизацией и ее влиянием на национальную культуру (В. В. Согрин, 1994). Не демонстрирует единства и шкала модернизационных процессов (фаз и периодов модернизации). Для первоначальных теорий была характерна жесткая дихотомия «традиционное – современное» (Т. Парсонс, Н. Смелзер, 1956; Э. Шиллз, 1961). Другие авторы, например М. Леви и С. Айзенштадт, считают такую шкалу абстрактной и одномерной. Они вводят промежуточные этапы – «относительно модернизированное» и «относительно немодернизированное» общество (М. Леви, 1966), говорят о транзитивном «посттрадиционном» обществе (С. Айзенштадт, 1973).

Анализ западных и отечественных исследований позволяет выделить разнокачественные парадигмы, формирующие противоречивое представление о сущности модернизации:

1) *универсалистское* определение модернизации характерно для социологии Н. Смелзера (1959), который подчеркивает дифференциацию форм социальной интеграции и возникающих в процессе модернизации новых социальных институтов. Подобный подход полагает модернизацию универсальным, прогрессивным, неизбежным и применимым к любым странам процессом (З. Т. Голенкова, 1998; П. Е. Кандель, 1995; И. И. Кравченко, 2002);

2) *эволюционистское* определение приравнивает понятие модернизации к любым позитивным социальным изменениям, что, по сути, означает выход за пределы научного познания в сферу обыденных представлений (М. Е. Орлова, 1998; Е. А. Тиракьян, 1995), трактующих модернизацию *буквально* – как «движение к современному обществу» во всех его фазах и проявлениях (В. В. Козловский, А. И. Уткин, В. Г. Федотова, 1995; М. В. Рац, 2001);

3) в *бихевиористском* определении, свойственном Р. Бендиксу (1964) и Б. Муру (1966), модернизация рассматривается как «категорический импера-

тив подражания Западу», который, ускоренно эволюционируя, предоставляет всему миру «вызовы», требующие адекватных «ответов».

Все эти определения приводят к евроцентризму, в том числе и отечественных ученых, отождествляющих модернизацию России со времен Петра с вестернизацией (В. А. Красильщиков, 1999; В. В. Согрин, 1994).

О недостаточной степени изученности проблемы свидетельствует и тот факт, что исследование генезиса и эволюции *теории и парадигмы* модернизации уступает разрозненным упоминаниям отдельных имен и концепций, тогда как история практики российской модернизации, начиная с петровских реформ, в значительной степени реконструирована учеными (А. С. Ахиезер, 1991; В. А. Красильщиков, 1998; А. И. Уткин, 1996; А. С. Фурсов, 1996; В. Г. Хорос, 1996). Это подтверждает разрыв между эмпирическими и теоретическими исследованиями.

Таким образом, в современном российском общественном знании господствуют отраслевые и дисциплинарные исследования модернизации. В них преобладает анализ изменений в экономической, социальной и социально-психологической сферах. Менее изучены эволюция, методология и сущность теории модернизации как целостного феномена в социальном познании, в его развитии и объективной динамике. Как правило, отсутствуют типологии модернизационных моделей, используются критерии их классификации, которые относятся к разным отраслям и уровням познания.

Объектом исследования является техногенная цивилизация в совокупности конкретно-исторических форм социальной детерминации, присущих ее фазам. **Предмет** исследования: теория социальной модернизации как форма рефлексии техногенной цивилизации и ее эволюция в общественном знании.

С учетом указанных обстоятельств, автор ставит перед собой **цель**: *социально-философский анализ теории модернизации общества, ее зарождения, эволюции и социальных последствий в контексте объективного развития техногенной цивилизации и потребностей общественной практики в условиях современных российских реформ.*

Цель достигается решением комплекса **основных задач**:

- 1) выявить объективно-исторические условия становления теории социальной модернизации в социальной практике и в западном общественном знании;
- 2) проанализировать методологию этой теории, взятую как целостная социально-философская парадигма, определить ее место и значение в системе социально-гуманитарных наук;
- 3) установить закономерности эволюции идеи и парадигмы модернизации общества и причины ее кризиса на рубеже XX - XXI вв.;
- 4) определить границы и перспективы применения теории социальной модернизации в общественной практике современной России.

Теоретико-методологическая база исследования. В процессе решения задач используется комплекс общенаучных методов и методологических принципов познания природных и социальных явлений, в том числе:

1) *общефилософский принцип детерминизма*, предполагающий универсальную взаимозависимость социальных явлений, наличие качественно несовпадающих уровней и форм отражения социальных явлений и их взаимосвязь;

2) *общенаучный принцип историзма*, предусматривающий рассмотрение предмета исследования в условиях его изменения во времени, позволяющего раскрыть законы его развития;

3) *системный метод*, предполагающий рассмотрение объекта исследования как сложноорганизованной системы с присущими ей элементами, подсистемами и связями между ними и окружающей средой;

4) *сравнительный метод* как средство выявления сходств и различий, генетического родства и качественного совершенствования модернизационных процессов в воззрениях ученых различных эпох и направлений. Необходимость его использования усиливается также крайней неоднородностью теории социальной модернизации, ее междисциплинарным характером.

Научная новизна результатов исследования заключается в том, что социальная модернизация изучается в единстве эмпирии, конкретно-научных теорий с присущими им методами и формами познания и социально-философской рефлексии, что позволило преодолеть доминирующий в социологии модернизации разрыв между эмпирией и теорией.

Установлен комплекс объективных предпосылок становления модернизационной теории в общественной практике и в познании. В развитии философского и социально-гуманитарного знания к ним относятся, прежде всего, идея и парадигма индустриализма, а также комплекс идей классической социологии позитивизма XIX в., составивших макросоциологическое понятие модернизации: унитарная теория прогресса, универсальный рационализм, дескриптивно-эмпирический метод позитивизма, синергия понятия и метода модернизации как процесса, социальный гомеостазис как эманация «естественной гармонии» индустриальной системы, дифференциальная модель развития общества.

Новизна также состоит в том, что, во-первых, реконструировано определение понятия социальной модернизации в позитивистской социологии О. Конта – *непрерывная связь конечного множества последовательных состояний социума, совокупность которых олицетворяет собой превращение воинственно-завоевательного прошлого в прогрессивное и безграничное индустриальное будущее*;

во-вторых, установлена причинно-следственная корреляция модернизационной теории с индустриальной и информационной парадигмами общественнознания как объективными формами философской рефлексии техногенной цивилизации в целом;

в-третьих, эксплицирована логика теории социальной модернизации, выражающаяся в преемственности двух доминирующих парадигм: классической («догоняющей») и парадигмы постмодернизации как формы ее отрицания;

в-четвертых, указаны элементы классической парадигмы модернизации: индустриальный «генотип» Запада как гомеостазис развития, редукция общественного прогресса к совокупности валовых макроэкономических индексов, индустриализация как необходимо-достаточный метод модернизации в общественной практике, стадийность в сочетании с эволюционистским холизмом, господство внешнего причинения в социальном детерминизме, а также элементный состав парадигмы постмодернизации – символизм, релятивизм, субъективизм, саморефлексия и самосознание личности, интеракционизм, синергия традиций и инноваций, многолинейное развитие обществ;

в-пятых, установлено, что смена модернизационных парадигм обусловлена изменением способа социальной детерминации при переходе от одной фазы техногенной цивилизации к другой. Внешний тип социальной причинности, свойственный «догоняющей» модернизации, в условиях становления информационной цивилизации сменяется внутренней социальной активностью субъекта постмодернизации, его сознания, непрерывно осмысливающего взаимосвязь традиционных ценностей с изменяющейся социальной действительностью;

в-шестых, доказано детерминирующее влияние дискурса философии постмодернизма на развитие теории социальной модернизации на рубеже XX - XXI вв.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования определяется общетеоретической задачей познания процессов модернизации, а также насущными потребностями российской общественной практики. Теоретическое значение исследования состоит в том, что теория социальной модернизации определяется в качестве медиальной проекции идеи техногенной цивилизации и ее форм в социально-философском процессе: индустриализма, постиндустриализма и информационного общества, формирующих специфические парадигмы модернизации, формы и методы социальных реформ.

Исследование может использоваться для разработки стратегии, отраслевых и прикладных программ модернизации российского общества.

Результаты диссертации также могут применяться в практике образования, в учебном процессе при разработке спецкурсов по социальной философии, истории социологии, политологии и другим дисциплинам.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры философии и политологии Марийского государственного университета, протокол № 6 от 19 июня 2003 г.

Основные положения и выводы диссертационной работы изложены на круглом столе «Художественно-философское познание будущего», организованном региональным отделением Российского философского общества Республики Марий Эл (2001), III российско-американской региональной конференции «Пути развития образования в XXI веке» (2002), конференциях преподавателей и аспирантов Марийского государственного университета (2002, 2003) и научной конференции факультета международных отношений (2003).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, 3 глав, 6 параграфов, заключения, списка источников и литературы (187 наименований, в т. ч. 32 на английском языке), 18 приложений, изложена на 168 страницах и содержит 11 таблиц и 37 диаграмм.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дана общая характеристика работы: обоснована ее актуальность, установлена степень изученности проблемы, определены цели и задачи исследования, его теоретико-методологическая база, сформулированы научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе – **«Генезис теории социальной модернизации в западном общественном сознании»**, состоящей из двух параграфов, рассмотрены объективные предпосылки формирования теории социальной модернизации как целостного феномена общественного сознания с учетом единства практических и гносеологических аспектов генезиса этой теории.

В первом параграфе – **«Генезис понятия социальной модернизации»** – анализируются гносеологические предпосылки, обусловившие зарождение понятия модернизации. Указывается, что становление системных понятий, категорий и методов теории модернизации продолжалось на протяжении целого столетия, начиная с идей классической социологии XIX в., в которой О. Конт и Г. Спенсер впервые высказали идеи, предвосхитившие теорию социальной модернизации и вошедшие впоследствии в ее структуру.

Прогресс – главный признак общественного развития, О. Конт подчинил законам природы, которые устанавливаются методами естествознания, исключая спекулятивный подход. Распространяя позитивизм на сферу общественных явлений, контовская социология утвердила себя в качестве «подлинно научной истории», претендующей на знание единственно верных законов, выражающих глубинную связь и последовательность общественных изменений.

О. Конт приложил к прошлому, настоящему и будущему человечества основной закон позитивистской социологии, объясняя с его помощью все фазы истории, их характер и роль в общественной эволюции. Представление О. Конта о модернизации общества основано на однородной, линейаризированной связи преемственных исторических эпох, последовательно сменяющих друг друга. Связь эта непрерывна, и более развитое состояние покоится на предшествующих, получающих в нем качественное развитие.

Сформулированная в философии Ш. Фурье, А. де Сен-Симона и Р. Оуэна идея индустриализма, воплотившаяся в индустриальной системе, обеспечивающей производство материальных благ, стала для О. Конта телеологической идеей, выражающей пафос провиденциальной борьбы позитивного разума с военным обществом средневековья. Идеализируя социальную структуру и организацию производительных сил Нового времени, О. Конт изображает индустриальное общество совершенным. Характеризуя общественный идеал – гармонию и солидарность всех классов, О. Конт считал, что противоречия между пролетариатом и предпринимателями – это результат плохой организации общества, которую можно улучшить *реформой*, т. к. рост производства отвечает интересам всех классов общества. По О. Конту, успех производства зависит не от политических, а от моральных средств, которые, освободившись от рудиментов теологического мышления, станут основой «новой общественной».

Как считал О. Конт, естественный порядок часто может быть неудовлетворительным вследствие крайней сложности социальных явлений. Он настойчиво требовал активного, деятельного человеческого вмешательства, прямо утверждая, что общественные явления нуждаются в целенаправленном изменении гораздо более, чем естественные. Европейские государства, наиболее приблизившиеся к позитивному состоянию: Франция, Германия, Великобритания и Италия, представляют собой образец социального устройства для всего мира, – цивилизацию, которую О. Конт называет «современной», «новой», «прогрессивной», а ее народ – «передовым народом» и «отборнейшей» частью человечества. Индустриализм, свидетельствующий о максимальном прогрессе, дает право вмешиваться в развитие других государств, делать их «новыми», т.

е. модернизировать их. Это и составляет содержание модернизации как процесса. В этом контовском кредо заключаются истоки представлений целой плеяды последующих европейских ученых о социальной модернизации как преобразовании традиционного общества в современное.

Конкретизация идей О. Конта и разработка парадигмы или алгоритма модернизации содержится в эволюционной социологии Г. Спенсера. Необходимой предпосылкой для понимания социальной эволюции как формирования более сложной общественной организации является *представление Г. Спенсера об обществе как структурно-функциональном порядке людей, институтов и отношений, зависящих друг от друга благодаря исполняемым функциям, которые ставят их на службу общественного организма как целого*. Социальный организм, по Г. Спенсеру, – целостная конечная система, функционирующая в определенных условиях среды, под которой он понимает геоклиматические условия, преобразованный совместной практикой человека мир природы, духовную культуру, состоящую из традиций, привычек, обычаев и обрядов, а также социально-культурное окружение, другие социальные организмы и организации.

Понять суть модернизации невозможно, не принимая во внимание соотношение этого понятия с более общей категорией социального изменения. *Социальное изменение, по Г. Спенсеру, – это переход к стабильному, равновесному состоянию общества как к системе, способной противостоять внешним силам посредством непрерывно возникающих новых системных качеств и свойств, комплекс которых компенсирует воздействие на общество внешних сил и условий*.

Способность к эндогенной модернизации общество, по Г. Спенсеру, обретает благодаря постоянному усложнению и дифференциации функций общественных институтов, приходящей на смену их первоначальному синкретизму. Особое значение имеет первичная социальная дифференциация между «управляющей» (политической) и «производящей» (промышленной) сферами общества. По мере эволюции торговля, а за ней и производство, индустрия стремятся к самоуправлению и к независимости от политической власти. Прежняя военная организация становится неприемлемой, т. к. навязывается принудительно и не обеспечивает индивидуальное благополучие. Индустриальная организация, напротив, рождается непосредственно и стихийно из стремления индивидуумов к благополучию, укрепляя общественное благо.

В результате формируется совокупность социальных институтов и связей между ними, которые и составляют сущность современного (модернизированного) общества – одновременно и дифференцированного, и обладающего высокой степенью внутренней интеграции. Это подразуме-

вает также высокие адаптивные возможности индустриального общества. В результате любое изменение формы и методов предметно-практической деятельности в индустрии ведет к изменению формы строения общества, приспособляющегося к новой «среде». Модернизация становится процессом создания условий, необходимых для самораскрытия универсальных законов эволюции, имманентных каждому обществу.

Таким образом, модернизация – это процесс, эманулирующий из универсальной биосоциальной эволюции в форме присущей индустриальному обществу эндогенной способности к синтезу адаптации социального организма в целом с дифференциацией и интеграцией его институциональной структуры.

Во втором параграфе – **«Изменения в общественном бытии середины XX в. и их влияние на теорию модернизации»** – установлен комплекс объективно-исторических детерминант, стимулировавших становление теории социальной модернизации как самостоятельного явления обществознания в США в 50-е годы XX в. На ее генезис решающее влияние оказали масштабные события, связанные с глобальными процессами разделения труда между западным и незападным миром.

Кризис мировой колониальной системы потребовал от стран-доминионов поиска качественно новых методов, обеспечивающих сохранение их господства в прежних колониальных владениях. Первым из таких методов стал экспорт капитала, но основополагающее значение имели также военные меры, программы обучения специалистов из развивающихся стран, направление миссий экспертов и т. д. Широкие масштабы приобрела техническая помощь как средство пропаганды западного образа жизни, стандартов и ценностей – обучение и стажировка экспертов, администраторов и других технических специалистов в западных странах, предоставление консультаций, направление миссий экспертов, поставка оборудования и т. д. Отмечено, что *региональные программы капиталистических государств предусматривали технологию регулируемой социальной эволюции, стимулирующей новые независимые государства к внедрению институциональной структуры, свойственной Западу.*

Общность стратегических интересов, преследуемых развитыми капиталистическими странами во взаимоотношениях с независимыми государствами, объективно способствовала объединению их усилий. В результате были сформированы международные институты, координирующие внешнюю политику Запада в отношении развивающихся стран (Организация экономического сотрудничества и развития, Европейское экономическое сообщество, план Колombo, план Константины, Союз ради прогресса и т. п.). Это позволило сделать вывод об *активном поиске развитыми капиталистическими государствами инструментов и средств*

интеграции развивающихся стран в мировое разделение труда и в систему международных структур и организаций, созданных Западом для защиты своих интересов.

Объективные изменения в экономике и политике не могли не влиять на состояние общественного сознания развивающихся стран. Правящие элиты развивающихся стран стремились в кратчайшие сроки ликвидировать колониальную структуру экономики, создать национальную индустрию как основу для преодоления отсталости, повышения жизненного уровня населения, укрепления политического суверенитета и, в конечном счете, для перехода от традиционного к индустриальному обществу. Широкий комплекс мер, призванных изменить и модернизировать общество, приобрел характер *интернационального процесса, управляемого из единого центра и подчиненного единому плану*. Экономические, политические и социальные изменения в середине XX в. приобрели глобальное и общемировое значение. В этих условиях не могла не появиться теория социальной модернизации, отражающая объективное состояние общественной практики и взаимодействие стран Запада и «третьего мира».

Во второй главе – **«Теория социальной модернизации как медийальная проекция идеи и парадигмы индустриализма»** – рассмотрена практика модернизации государств, обретших независимость в середине XX в., в неразрывном единстве с эволюцией социально-философской идеи и парадигмы индустриализма.

В первом параграфе – **«Экономический детерминизм как метод классической парадигмы модернизации»** – проанализирована практика индустриализации модернизирующихся стран, которая на протяжении третьей четверти XX в. характеризовалась комплексом объективных тенденций: недостаточным развитием местных производительных сил и, как следствие, «вторжением» политических стимулов в процессы экономического роста; развитием машиностроения, обрабатывающей и добывающей промышленности как господствующих методов форсированной модернизации всех социальных сфер; становлением двух экономических стратегий модернизации экономики: импортозамещающей и экспортноориентированной, интеграцией в международное разделение труда, усилившей заимствование институциональной структуры индустриального «генотипа».

Глобальные изменения в модернизирующихся странах совпали с моментом, когда массовая западная цивилизация в процессе ее эволюции достигла вершины – индустриального «генотипа», основанного на массовом конвейерном производстве и культуре, который и послужил объектом заимствования для развивающихся стран. Так как в то время в западном общественном сознании господствовали идея и парадигма индустриализма,

отражающие объективную эволюцию экономики, социальной и политической структуры западных стран, закономерно, что именно теория Р. Арона об «индустриальном» генотипе как высшее воплощение идеи и парадигмы индустриализма в середине XX в. стала отражением, теоретической проекцией техногенной цивилизации.

В параграфе кратко рассматривается сущность и содержание идеи и парадигмы индустриализма – родовой для теории социальной модернизации. В индустриальной парадигме общественнознания социум интерпретировали состоянием промышленного производства, а классовую структуру и власть рассматривали как естественные функции индустрии. Как указывает Н. А. Маслов¹, социально-философская идея индустриализма постулирует каузальную зависимость между техникой и социальным строем с инкорпорированными в детерминистский механизм индустриального «генотипа» (благодаря развитию общественнознания в теориях К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера и Р. Арона) опосредствующими звеньями, такими, как частная собственность на средства производства, органическая социальная солидарность, формальная рационализация духовной и общественной практики, плюрализм и взаимообусловленность разнотипных социальных детерминант.

В диссертации постулируется *неразрывная корреляция между теорией и эмпирией социальной модернизации и идеей и парадигмой индустриального «генотипа» в форме субординации понятий*. Поэтому отраслевые, в т. ч. социологические, политологические, социально-психологические и другие теории модернизации общества рассматриваются в контексте объективной логики и эволюции индустриальной парадигмы общественнознания как ее частно-научные интерпретации и воплощения. Таким образом, *индустриальная парадигма общественнознания к середине XX в. стала социально-философской константой для макросоциологической теории и методологии социальной модернизации третьей четверти этого же столетия*.

Первоначально в теории модернизации господствовал *экономический детерминизм*, выразившийся в системе количественных макроэкономических показателей (урбанизация, рост промышленного производства и ВВП) как критериев эффективности политики модернизации. Провозгласив прагматичный подход, У. Ростоу, Р. Нурксе, А. Гиршман и другие представители экономического детерминизма полностью абстрагировались от идеологии, культуры и объективного многообразия традиционных об-

¹ Маслов Н. А. Идея индустриализма: философско-методологические аспекты интерпретации социального организма в западных теориях XIX – XX веков. – М.: РАГС, 1996. – 172 с.

ществ. В целом, социальная модернизация в экономическом детерминизме – это *прогрессивное движение социума к рыночной экономике благодаря «первичному» (индустриальному) сектору, порождающему самоподдерживающийся экономический рост, выраженный в множестве валовых макроэкономических индексов.*

Показано, что распространенная в теориях социальной модернизации идея круговой причинности представляет собой *каузальную универсалию*, следствием которой является трансгрессивная инверсия экономического детерминизма. Эта идея предполагает два аспекта: универсальную взаимозависимость эндогенных условий и детерминант развития и «инструментальный фактор» как «приводной ремень», запускающий гомеостазис модернизации общества в целом. В экономическом детерминизме – это макроэкономические условия, которые, непосредственно и опосредствованно детерминируя все остальные, служат катализатором модернизации.

Неудовлетворенность экономическим детерминизмом в теории и практике модернизации достигла кульминации к середине 60-х годов XX в. на фоне усиливающегося кризиса мирового разделения труда. Модернизационный эффект от экспорта капитала, объемов инвестиций и других макроэкономических факторов оказался мистификацией, а копирование производственной организации, инфраструктуры и отраслевой структуры экономики Запада не оправдало надежд (резкие противоречия в развитии основных отраслей экономики, вызванные форсированной индустриализацией; интенсивный рост городского населения, пополняемого в процессе социального расслоения сельского населения; демографический взрыв, «уравновесивший» относительно высокие темпы индустриализации и т. д.).

Во втором параграфе – **«Отраслевые инварианты классической парадигмы модернизации (60-70-е гг. XX в.)»** – рассмотрены медиальные теории модернизации. В объективном развитии классической «догоняющей» парадигмы модернизации в третьей четверти XX в. выделены три фазы, каждая из которых характеризуется доминированием особого метода рефлексии модернизации: в первой половине 1960-х гг. доминирует экономический детерминизм, во второй половине 1960-х гг. – структурный функционализм и психологический детерминизм и, наконец, в первой половине 1970-х гг. – сравнительно-исторические исследования модернизации.

Кризис экономического детерминизма, коррелирующего с дескриптивной социологией, повлек за собой расширение предмета теорий модернизации за счет общей социологии в соответствии с идеей холизма, предполагающей синхронное изменение всех общественных сфер (материально-экономической, общественно-политической, классово-групповой и духовной) в прокрустовом ложе «технотронной тотальности».

В частности, стал популярным *структурный функционализм* как метод исследования модернизации. Т. Парсонс и Н. Смелзер трактовали процесс модернизации в духе идей Г. Спенсера как достижение все более высокого уровня структурной дифференциации социальной системы, сопровождающееся возрастанием разнообразия ее экономических и социальных функций. Количественный аспект экономического роста в длительной перспективе, по их мнению, сказывается на изменениях в институциональной структуре общества, которая не может быть результатом сугубо экономических инноваций.

Психологический детерминизм как метод модернизации применяли Э. Хаген, Д. Маккеланд, Д. Лернер и другие исследователи. В целом социально-психологический детерминизм постулировал факторы (особенности человеческого характера, сознания и духовной культуры), благоприятствующие модернизации и сосредоточенные в развитых странах, противопоставляя им неблагоприятные факторы, доминирующие в странах «третьего мира». С точки зрения методологии, это была безыскусная прокламация «догоняющей» модернизации, незначительно удалившаяся от экономического детерминизма.

Осознание ограниченности и неспособности «догоняющей» модернизации охватить исторический процесс как целостность ускорили смену методологии, во-первых, благодаря отказу от абстрактности, присущей парсоновскому структурному функционализму, и возвращению к эмпирии, и, во-вторых, благодаря осознанию исторической специфики модернизационных процессов. Опираясь на метод сравнения, исследователи, в первую очередь, обратились к истории развитых стран – пионеров индустриализации в Европе и Северной Америке.

В интенции эволюционизм был заложен в структурном функционализме Т. Парсонса и Н. Смелзера, обращавшихся к социологии Г. Спенсера, но эта интенция тогда не стала познавательной практикой. Лишь в 1970-е гг. *идея эволюционного единства цивилизации в духе философии истории* позволила облечь эту интенцию в конкретную форму. В теориях С. Эйзенштадта, Р. Бендикса и Б. Мура *синхронный метод уступил место ретроспективному, который было невозможно сочетать с метафизической дихотомией традиции и modernity, поскольку исторические переменные несводимы к идеальной модели культуры*. Традиционные ценности более не рассматривались как антитеза «модернити»; жесткие дихотомии сменились поисками традиций, способствующих модернизации.

Анализ условий развития теорий модернизации в научно-теоретическом и философском сознании в условиях индустриального «генотипа» позволяет сделать следующие выводы. Первоначально методологиче-

ской основой теории модернизации стала макросоциология и, в частности, структурный функционализм и экономический детерминизм. Экономический детерминизм с его культом капитала и «духом предпринимательства» вскоре выродился в редукционизм, метафизику и, как следствие, – в трансгрессию. Построение системы макроэкономических индексов покоилось на развитии эмпиризма, эклектично накладывавшегося на позитивистский каркас эволюционной макросоциологии. Эклектика макросоциологии и эмпиризма привела к глубокому противоречию, характеризующему парадигму «догоняющей» модернизации, – *к противоречию между социально-философским осмыслением и инструментально-социологическим анализом модернизации как процесса.*

В погоне за рефлексией индустриального «генотипа» в теориях Э. Дюркгейма, М. Вебера, Р. Арона парадигма модернизации пыталась предложить собственные опосредствующие звенья социальной детерминации. В экономическом детерминизме ими стали уровень инвестиций и душевой доход, структура экономики и емкость рынков, производительность труда и квалификация рабочей силы, в структурном функционализме – степень дифференцированности социальных функций и степень адаптации социальной системы к внешним условиям, в социально-психологических теориях модернизации – особенности менталитета и человеческого характера, смена ценностных ориентаций и продуцируемый ими тип личности, в политологических теориях – политический режим, баланс интересов конкурирующих за власть элит. Эклектичное сочетание подобных идей повлекло за собой массу методологических несоответствий.

Диссертант считает, что методологическая эклектика в теории модернизации была неизбежна и закономерна, т. к. она свидетельствовала о грядущем кризисе обществознания, в котором зарождалось новое качество рефлексии техногенной цивилизации в целом (идея информационной цивилизации). В результате отраслевой детерминизм в парадигме модернизации уступил апелляциям к философии, философии истории, в частности. Сторонники сравнительно-исторических исследований на новом, более высоком уровне насытили метатеорию модернизации эмпирическим и практическим материалом. В отличие от классической социологии XIX в. и экономического редукционизма, они рассматривали эмпирию конкретно-исторически: первичные социологические данные использовались не для конструирования универсальных экономических индикаторов социально-экономического роста, а для выявления национальной специфики модернизации.

В третьей главе – **«Кризис классической парадигмы модернизации при переходе к информационной парадигме обществознания»** – прослежено развитие модернизационных теорий в последней четверти

XX и в начале XXI вв. в условиях смены господствующей идеи и парадигмы техногенной цивилизации и перехода к постиндустриализму и к теории информационного общества.

В первом параграфе – **«Кризис «догоняющей модернизации» и формирование нового типа модернизации в «новых индустриальных странах»** – рассмотрено содержание радикальной трансформации институциональной структуры развитых стран Запада, разрушающей «социальные рамки» индустриального общества, и рефлексия этих изменений в парадигме постиндустриализма и информационной цивилизации.

Диссертант заключает, что постиндустриальная парадигма, которая вслед за индустриализмом М. Вебера, Э. Дюркгейма и Р. Арона развивает идею духовных (напр., научных и этических) опосредствующих звеньев социальной детерминации, стала несовместима с одномерным линейным каузализмом «догоняющих» модернизационных теорий. С одной стороны, классическая парадигма модернизации переживала острый кризис методологии, а с другой – практика модернизации по канонам переживающей кризис теории, по существу, не могла не утратить свои цели. Об этом свидетельствует увеличивающийся разрыв между развитыми капиталистическими странами Запада и странами «третьего мира» в уровне национального дохода и производительности труда, в развитии образования, науки и культуры.

Цель воссоздания на почве национальной культуры структуры и функций индустриального генотипа на пути «догоняющей» модернизации стала недостижима, поскольку *детерминирующий образ науки, позволяющий говорить об информационной фазе цивилизации, несовместим с трансгрессией и редукционизмом*, а может быть сформулирован лишь в результате *морально-нравственного и этического регулирования экономической и познавательной практики*.

Это подтверждает опыт модернизации т. н. «новых индустриальных стран». Ускоренное формирование национального рынка, стимулирование экспортных отраслей индустрии в странах Юго-Восточной Азии стали возможны благодаря монополии государственно-бюрократического аппарата на политико-экономические решения, дополнявшейся политической национально-культурной идентичности, которая выразилась в идеологии «общества-корпорации», где широко использовались нормы конфуцианской морали. Сохраняя национально-культурный менталитет, азиатские страны не потакали изоляционизму, а активно включились в мировое хозяйство, осваивая информационные западные технологии. Это способствовало организации производительных сил в соответствии с критериями информационного общества, отличающегося приоритетом фундаментальной науки и информации.

Во втором параграфе – **«Парадигма постмодернизации в дискурсе постмодернизма»** – проанализирована роль философии постмодернизма в формировании парадигмы постмодернизации, намечены перспективы применения теории социальной модернизации в условиях современных российских реформ с учетом объективной логики развития техногенной цивилизации.

Смена формы рефлексии техногенной цивилизации в историко-философском процессе (индустриализма – постиндустриализмом) с необходимостью повлекла за собой смену парадигмы модернизации, а основным средством поиска ее нового качества стала приставка «пост-». Система средств познания техногенной цивилизации предполагает единство и взаимодействие философской идеи, господствующей социально-гуманитарной парадигмы и конкретно-научных теорий. *В отсутствие собственных социально-философских идей, теория постмодернизации заимствовала их у постмодернизма.* Роль постмодернистского кредо в изменении парадигмы модернизации общества на рубеже XX – XXI в. двояка: прежде всего, методологическая, но не менее того – телеологическая.

Телеология постмодернизации предполагает изменение ее целей – с модерна на постмодерн. Целью постмодернизации становится постсовременное общество, которому свойственны: ориентация на инновации с одновременным учетом традиций, персонализм и опора на коллективизм, эффективная производительность, признающая наличие качественных пределов экономического роста, сочетание инструментальных и мировоззренческих ценностей. *Методология* постмодернизации, в свою очередь, имплицитно включает комплекс таких идей, как субъективизм, плюрализм, рефлексивность, веберовская идея социального действия, конвергенция традиции и новации.

Несмотря на многообразие форм, теория постмодернизации (Р. Инглехарт, У. Бэк, Э. Гидденс, С. Лэш, В. А. Красильщиков и В. Г. Федотова) имплицитно включает устойчивый набор общих черт, формирующихся преимущественно на уровне эмпирической и медиальной социологии. Это обусловлено ее тождеством тяготеющей к эмпиризму постиндустриальной парадигме Д. Белла, с которой парадигма постмодернизации связана родовидовым отношением.

Первой попыткой освоить инструментарий и методы белловского постиндустриализма на уровне парадигмы модернизации стала концепция Р. Инглехарта (1990, 1997), которая постулирует вытеснение социально-культурного архетипа «модернити» матрицей (pattern) постмодернизации. Классическая модернизация, по Р. Инглехарту, – это «синдром роста возможностей», прежде всего, экономических и политических, посредством индустриализации и бюрократизации, когда экономический рост становится доминирующей социетальной целью, а индивидуумом

движет достижительная мотивация и дисциплина. В парадигме постмодернизации, напротив, место экономических достижений занимает качество жизни, предполагающее свободу индивидуального выбора, жизненный стиль и способность к самовыражению. Смена «материальных» ценностей с акцентом на физической и экономической безопасности «постматериальными», акцентирующими самовыражение личности, и составляет основной смысл постмодернизации, трансформирующей устойчивую индустриального «генотипа».

Второй формой теории постмодернизации стала теория рефлексивной модернизации, сформулированная в работах Э. Гидденса, У. Бека и С. Лэша, противопоставляющих неразрешимым дилеммам модернизационного «общества риска» субъективизацию социального опыта за счет социальной активности целеустремленной личности. Ее самосознание пронизывает, во-первых, структурная рефлексивность, благодаря которой субъект, абстрагируясь от непосредственного социального окружения, рефлексировать по отношению к социальной структуре в целом, и, во-вторых, как саморефлексия, как отношение к самому себе.

В результате преобразуется логика модернизации, направленная не на изменение довлеющих над индивидуумом институциональных структур социума, а на веберовское осмысление субъектом социальной реальности с позиций рационализма и личного опыта. Рефлексивность самосознания субъекта в постиндустриальном обществе обуславливается расширенным воспроизводством научных знаний. А поскольку рефлексия предполагает уменьшение влияния внешних структур и развитие личной свободы, человек, становясь субъектом постмодернизации, должен в гораздо большей мере творить себя. Так рефлексия, инкорпорируясь в качестве детерминанты в модернизационный алгоритм, становится имманентной не только субъекту, но и самому процессу модернизации.

Таким образом, на рубеже XX и XXI вв. парадигмой модернизации общества в материально-экономической сфере становится *постиндустриализм*, а в культурной – *постмодернизм*, которые инкорпорируются в методологию модернизационных теорий. В целом постмодернизация предстает закономерным результатом кризиса классической парадигмы модернизации в результате эволюции социально-детерминистских доктрин, исследующих техногенную цивилизацию и ее фазы – индустриальное и информационное общество. Провозглашая критериями социального прогресса неограниченный рост материального потребления и господство Запада над внешним миром – природным и социальным, «догоняющая модернизация» разрушила органичные связи как в социальной среде модернизируемых обществ, так и их связи с естественной, природной средой.

Это привело к дегуманизации, к обезличиванию общественных отношений, превратившихся в эманацию гипостазированной рациональности и экономического детерминизма.

Благодаря символизму постмодерн, утверждающий относительность знания, развенчал трансгрессивный миф о «Великой внешней причине». Индивидуум, освобожденный от оков «технотронной тотальности», действует в коммуникативной реальности, где взаимодействие из иллюзии превращается в действительность, в диалог равноправных субъектов, совместно созидающих социум как реальность. Это исключает выделение единственного и достаточного источника детерминации, внешнего по отношению к социальным субъектам. Таким образом, в соответствии с логикой постмодернизма и общими закономерностями постнеклассической философии парадигма постмодернизации эволюционировала от объектно-аксиологического к субъективно-личностному «алгоритму» модернизации.

Объективные закономерности эволюции модернизационных парадигм и теорий активно воздействуют на развитие российского обществознания в целом и социальной философии в частности. В этих условиях российские теоретики выделяют разнообразные социально-культурные детерминанты современной российской модернизации: чувство национально-культурной идентичности и коллективистский стереотип поведения (В. Г. Хорос), творческую адаптацию ценностей и архетипов модерна (А. П. Манченко), гармонизацию культуры и социальной реальности (С. М. Поздьева), «понимающую адаптацию и рационализацию» традиций (Л. А. Беляева), преобладание ценностных ориентаций над целевыми (В. Г. Федотова) и т. п.

Современное состояние теории модернизации предполагает отказ от метафизических и редукционистских дихотомий «традиционное - современное», переход к диалектическому взаимодействию традиции и новации, к осознанию того, *что будущее не может быть отрицанием прошлого*, а является основой для преемственного развития. Модернизация России имеет шансы на успех лишь при опоре на исторически сложившиеся архетипы общественного сознания и богатые духовные традиции российского народа. При этом стратегия российской модернизации должна учитывать *роль страны в мировых цивилизационных и геополитических системах*, поскольку в современном мире политика «ответов» на «вызовы» Запада недостаточна, тогда как постмодернизация должна предусматривать не слепое следование в кильватере западной эгоистичной политики, а выдвижение собственных «вызовов», обеспечивающих конкурентоспособность России в условиях глобализации и взаимодействия с западным миром.

В **заключении** подведены итоги исследования, сформулированы выводы, кратко изложена эволюция и исторические формы теории социальной модернизации. Первоначальной форме модернизационной теории – «догоняющей», основанной на технологическом, экономическом, политическом и психологическом детерминизме, определявшем поведение человека, тип социальных связей и общественный строй техникой, макроэкономическими показателями, характером власти или психологическими чертами субъекта, свойственен внешний тип социальной причинности, восходящий к утопическим теориям индустриального общества.

Провозглашая критериями социального прогресса неограниченный рост материального потребления и господство западного общества над внешним миром – природным и социальным, «догоняющая модернизация» разрушила органичные связи как в социальной среде модернизируемых обществ, так и их связи с естественной, природной средой. Это привело к дегуманизации, обезличиванию общественных отношений, превратившихся в эманации гипостазированной рациональности, экономического фетишизма, а следовательно – к их подчинению метафизическим абстракциям в колеснице трансгрессивной инверсии. В результате «вторая природа» – созданный человеком материальный мир – господствовала над ним как внешняя сила.

Постмодернизация предстает закономерным результатом кризиса модернизационной теории в контексте эволюции социально-детерминистских доктрин, описывающих техногенную цивилизацию и ее формы – индустриальное и постиндустриальное общество. Апелляция ко «второй природе», господствующей над человеком, к миру отчужденных предметов, разрушивших его личностное самосознание и творческий дух, сменяется внутренней социальной активностью субъекта, что предполагает рефлекссию над социальной практикой, непрерывное осмысление взаимосвязи между традиционными ценностями и изменяющейся социальной действительностью.

Рефлексия становится детерминантой человеческой деятельности, превращая «одномерного», «экономического» человека в «многомерную», разностороннюю личность. Субъект постмодернизации более не является марионеткой перед лицом слепой силы рынка, он принимает решения и действует в соответствии с собственными убеждениями, которые, однако, не являются эгоцентричными, а предполагают творческую деятельность всех субъектов, сплоченных осознанием своей идентичности, общей целью развития и причастностью к общей культуре.

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ, ОТРАЖАЮЩИХ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Маслов Н. А., Серкин П. Е. Типология социальной модернизации в условиях трансформации российского общества // Современные технологии обучения иностранным языкам: Материалы IV–V республ. науч. конференций. Секция обществ. наук. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2000 - 2001. – Вып. 4-5. – С. 134-141.
2. Маслов Н. А., Серкин П. Е. Становление теории модернизации в западном обществознании XX века // Духовная сфера общества: Материалы науч. конференции по итогам НИР за 2001 г. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. – С. 66-77.
3. Серкин П. Е. Социальная модернизация при переходе к постиндустриальному обществу // Духовная сфера общества: Материалы науч. конференции по итогам НИР за 2001 г. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. – С. 77-81.
4. Маслов Н. А., Серкин П. Е. Социальная модернизация и постмодернизм // Пути развития образования в XXI веке: Материалы III Российско-Американской региональной конференции. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. – С. 123-125.
5. Серкин П. Е. Теория модернизации как основа трансформации российского социума // Социальное управление и PR в гуманитарном познании: Материалы секции социально-гуманитарных наук конференции ФМО. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2003. – С. 24-28.
6. Маслов Н. А., Серкин П. Е. Генезис понятия социальной модернизации в позитивистской социологии О. Конта // Социальное управление и PR в гуманитарном познании: Материалы секции социально-гуманитарных наук конференции ФМО. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2003. – С. 28-31.
7. Серкин П. Е., Серкина Н. Е. Социально-культурные нормы и модернизация общества в социологии Ш. Эйзенштадта // Социальное управление и PR в гуманитарном познании: Материалы секции социально-гуманитарных наук конференции ФМО. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2003. – С. 32-34.